

Цикл «Хроники Бладрейха»:

«НЕВЕСТА ПЕВЧЕГО СМЕРТИ»

«КРОВЬ КОРОЛЕВЫ»

«ВКУС ТВОЕЙ КРОВИ»

«ВЛАДЫКА СУМЕРЕЧНОЙ БАШНИ»

«ТРОФЕЙ»

МОРВЕЙН ВЕТЕР

ТРОФЕЙ

Москва
Т8 RUGRAM
2021

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
ВЗ9

Ветер, М.

ВЗ9 Трофей / М. Ветер. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 258 с. — (Хроники Бладрейха).

ISBN 978-5-517-04464-8

Сотни лет лесные и лунные эльфы живут по разные стороны Великой Реки. Одни — живут охотой и кочуют с места на место. Другие — заключили договор с демонами и, пользуясь их силой, обустроили в своих замках вполне комфортную жизнь.

В один злосчастный день на арене появляется новый игрок. Таинственные «ясноокие», которые пьют эльфийскую кровь и подчиняют их, используя гипноз.

Именно в эти дни лесной охотнице Альдэ приходится покинуть гостеприимные заросли Великого Леса и, повинаясь зову пророчества, отправиться на поиски своего счастья.

Клан Альдэ погиб по вине яснооких.

А теперь ещё и счастье оказывается странным, капризным и жестоким.

Властный и самовлюблённый принц лунного королевства, незаконнорожденный пасынок почившего короля, Вельд теперь стал изгнанником. Неприспособленный к жизни в лоне дикой природы, он живёт единственным желанием — испепелить кого-нибудь и порезать на куски. Желательно, конечно, врага.

Но что поделать, если именно его нагадала Альдэ путешница-судьба...

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

© Ветер М., 2021
© Флёр А., оформление, 2021
ISBN 978-5-517-04464-8 © Т8 Издательские технологии, 2021

ПРОЛОГ

Альдэ

В лесу ухнул филин, и тут же шелест листвы заглушил его голос. Я бы поверила, что это в самом деле кричит птица — если бы ответом ему не стало пронзительное кряканье утки, прозвучавшее с другой стороны. Опускаю лук и закрываю глаза.

Охотники Койдвиг Маур — Великого Леса — ищут зверя. Они будут искать следы черного медведя всю ночь, чтобы на рассвете пристрелить его — и запечь на костре первые куски. Так бывает всегда — или почти всегда: иногда медведь одерживает верх.

Хочется закричать в ответ. Дать знак, что я могу им помочь. Но голос не слышится. Прикрываю глаза и стискиваю зубы. Больше я не ошибусь. По эту сторону реки нет такого клана, который взял бы меня с собой — даже если надо запасти мясо на зиму и бежать следом за стадами идущих на юг импал.

Меня зовут Альдэ. Наверное, это странное имя для эльфийки. На нашем языке «Альдэ» означает «ночь после жизни». Или просто — смерть.

Когда-то меня и в самом деле звали по-другому — Трвинсиэль фин Ратар Сарвейнел, что значило: Копьё, пронзившее Тигра, рождённое в клане Хранящих Север, и я всегда стояла у своего старейшины за правым плечом. Это было давно. Когда в Койдвиг Маур ещё был такой клан — Сарвейнел.

Впрочем, «давно» — понятие растяжимое. Кому-то две сотни лет кажутся лишь мигмом, для кого-то год становится вечностью. Я принадлежу ко вторым. И мысли эти навевают одиночество.

В одиночестве время идёт дольше. Утром ты не можешь понять, зачем солнце осветило твой день. На закате, когда вершины деревьев и воды Гуиродит Ллин заливают алый, будто

кровь поверженного хищника, свет, пространство заполняет странная пустота. Между тобой и ближайшим живым существом лежит целый мир, лишённый жизни. То, что до соседней стоянки всего час пешего ходу — не имеет значения. Мир кажется пустым, ты знаешь: тебя не ждут. Ни там, ни где-то ещё. Миру, по большому счёту, всё равно — проживёшь ли ты ещё день, проснёшься ли утром или станешь добычей тигра во сне. Пожалуй, только голодному тигру ты и нужна, и то не больше, чем горная коза.

Эльфы Койдвиг Маур не живут одни. Природа — наша мать — требует, чтобы мы жили кланами. Кланами мы можем охотиться на животных, которые сильнее нас, клан даёт нам имя и обязанность, делает нас теми, кто мы есть — нужными. Когда клан гибнет, оставшимся в живых лучше умереть вместе с ним. Это не закон и не обычай, это — веление разума: редко какому-то клану нужен охотник, привыкший охотиться по-другому. Лекари, хранящие память — может быть. Если глава клана мудр, он примет под опеку того, чей опыт принесёт пользу. Те, кто несёт в себе дар исцеления, встречаются так редко, что любой клан примет их.

Я — охотница. Во мне нет ничего необычного. Рука моя тверда, глаз остёр, и я могу услышать, как под кронами сосен бродит медведь из сумеречных земель, а в густой траве меж корней деревьев скрываются россомаха и волк, но этим может похвалиться добрая половина эльфов. Я могла бы рассчитывать на новый дом, если бы шла война, и в других кланах не хватало стрелков, но и тогда до конца дней на меня смотрели бы как на ту, что пережила свой клан. И правда, разве может быть оправдание тому, что я жива, когда моя семья и друзья мертвы?

Когда луна второй раз осветила кострище на месте моего прежнего дома, я пыталась просить помощи. Я пришла в клан Хранящих Восток, а затем в клан Поющих с Волками. И ещё во многие кланы, но нигде со мной не хотели говорить. Только вождь клана Бурого Медведя сжалился надо мной. Я знала, что здесь всегда буду лишь заменой для тех, кто моложе и неопыт-

ней меня, но была рада и этому. Но когда старший из охотников выкрикнул мое имя, тетива моего лука от резкого рывка со звоном рассыпалась. Все знали, что сулит охотникам порванная в самом начале охоты тетива. И вместо меня ушел мальчик, который, должно быть, ни разу на охоте ещё не бывал.

И тогда вождь Медведей предложил мне пройти испытание истиной. Вместе мы отправились к оракулу, в сердце Священного Озера Гуирудит Ллин, где цветок духов — лотос — растёт рядом с осокой и рогозом, и моя кровь окропила алтарь. Луч света упал на мою надрезанную ладонь, выжигая знак Альдэ — смерть. Это был приговор. Отныне он стал моим именем. Альдэ — Смерть — последняя из клана, которого нет.

С тех пор Вечный Лес трижды три раза укрыло снегом, трижды три раза зацветали дикие яблони, и трижды три раза ветви деревьев обнажались навстречу грядущей зиме.

Летом в лесу хорошо. Тихо шелестит листва и стрекочут цикады в сумраке подлеса. Солнечные блики играют на поверхности Гуирудит Ллин, запахи трав и нагретых солнцем цветов наполняют воздух. Настоящая тоска накатывает на меня, когда листья опадают под ноги, ветви деревьев становятся голыми и безжизненными, а с неба падают белые хлопья снега. Костёр не согревает, а изредка доносящиеся издали голоса чужих охотников лишь навевают ещё большую тоску.

Вспоминаются зимние вечера и костры — куда больше и ярче моего. Песни мужчин, вернувшихся с охоты, и голоса девушек, бегущих им навстречу. Дети радостно кричали, встречая отцов. Ждали и меня... Не дети, самой собой. Короткое имя колет грудь иглой кожевника — Вьен. Я часто погружаюсь в воспоминания с головой. Прокручиваю в памяти те вечера, тихие и шумные одновременно. Вспоминаю веселый зимний праздник солнцеворота — Йоль.

Эту была моя любимая ночь. Девичьи ленты носятся в воздухе, запахи специй, горячее вино и тепло... Тепло ладоней и тел, рукопожатия охотников, хлопки по спине... Меня считали красивой — там, в далёком прошлом. Теперь я давно уже забы-

ла, как выгляжу со стороны. Меня любили. Меня выбирали. Даже речь эльфов, окружавших меня, казалось, дышала теплом.

Теперь я — одиночка. Последняя выжившая. Печать позора украшает моё чело. Я не сумела защитить родных. Тепло ушло из моей жизни. Ни один другой клан не сможет дать мне то, что я потеряла — единение и возможность принадлежать. Клан, которому принадлежит моя душа — мёртв.

За годы скитаний я привыкла быть одна. Я могу в одиночку загнать и оленя, и вепря. Но мне не нужно столько мяса. Если стоит лето, моя добыча остаётся гнить на земле. Я ухожу в новое место, чтобы загнать новую дичь. Я привыкла быть одна, и я могу выжить одна, но год тянется как десять лет. Каждый год всё меньше смысла я вижу в таком существовании — диком и одиноком. Кажется, ещё одна зима — и я забуду, как звучит мой родной язык. Как выглядят девушки, когда плетут венки перед свадьбой, как окликают друг друга юноши, собираясь на охоту. Моя охота стала другой. Она не доставляет радости, не приносит пользы никому.

В десятый раз хлопья снега укрыли обнажённые ветви, когда я приняла решение. Давным-давно я слышала легенду об эльфах, что живут по другую сторону Дур Маур — Великой Реки. Хранители предостерегают от встреч с ними: они инканэ — иные. У тех эльфов нет кланов и нет Оракула. «Как же они определяют, кем станет ребёнок?» — спрашивала я, и хранительница смеялась. Она не отвечала, возможно, потому, что не знала сама.

Когда в десятый раз хлопья снега припорошили ветви кедров, но ещё не покрыли сплошным ковром почерневшую землю, я приняла решение пуститься в путь. Я отправилась туда, где живут эльфы, не знающие кланов и хранителей. Эльфы, у которых нет оракулов. Эльфы, которые не испугаются моих имени и знака.

Я мечтала о них и представляла, какими они могли бы быть, но только теперь, когда Оракул снова заговорил со мной, я решилась покинуть лесной приют. Я шла на запад, к берегам Дур Маур.

ВЕЛЬД

Я помню, как сверкали серебристые спины виверн под сёдлами из сумеречного бархата. Мы с братом неслись впереди, прорезая телами наших скакунов облака. Перламутровая сеть из водорослей моря Асир переливалась на солнце в наших руках.

— Вельд! — окрикнул меня Тирв, и, проследив, куда указывает его рука, я увидел стаю белоснежных птиц, парящих в облаках.

Плавню натянув поводья, я повернул виверну, и мы понеслись туда, чтобы через несколько мгновений в наших охотничьих сетях забились десятки пойманных птиц — отличный ужин для королевского двора.

Я вздохнул и с тоской посмотрел на пограничников, вяло переругивавшихся между собой.

Меня зовут Вельд. Странное имя для эльфа, не правда ли? Знатные эльфы дают детям длинные красивые имена. Так мать назвала и меня: Артайнен тау Вин Двальен, что значит — Хранящий славу из туата Ночного Волка.

И я носил его, пока королевство не обрело нового короля, и мой брат, Тирвейнен тау Вин Двальен, не стал королём народа Мак а'гхеалах — Детей Луны.

Пользуясь моим почётным званием Десницы Луны, Тирвейнен придумал мне новую службу — теперь из тайного палача короля я превратился... в истребителя дикобразов. «Только ты, мой драгоценный брат Вельд, можешь охранить границу нашего королевства от дикобразов и полозов Великого Леса, — сказал Тирв, — и потому я наделяю тебя новым титулом — «Охранителя границ».

Нет, на самом деле, он, конечно, сказал не так. Да и сказал на самом деле не он. Приказ его мне передал королевский поверенный, и прежде чем я успел броситься ко двору, чтобы выяснить все нюансы этого поручения, меня остановила мать — и долго рассказывала о том, как прекрасны водопады на берегу Великой Реки зимой.

Кроме того, не было в его приказе и слова «дикобраз». Вообще-то в письме фигурировали «тени таинственных существ» — «бессмертных и неисчислимых» — «появлявшихся вдоль берега реки каждую осень».

Да, я думал, что это демоны из Врат, и что?

Отца, как я привык его называть, никогда не волновала та деталь, что я не его родной сын. Куда большее значение имело то, что я отлично убиваю его врагов. А вот тот факт, что обаяния у меня как у навозной мухи, его порядком смущал. Отец всегда считал, что из-за этого неприятелей у него становится только больше. И когда отравленный дротик вонзился в его грудь, а лекари — те, кто не успел сбежать подальше от двора, ведь за бессилие многие были казнены — смиренно опустили руки, отец взял с меня клятву, что я никогда не попытаюсь отобрать наследие, корону или что бы то ни было у своего младшего, но чистокровного брата.

Клятва далась мне легко. Куда легче, чем другая — никогда не иметь детей. Как будто шлюхи, выползающие ночью из моей постели, спрашивают у меня разрешения. Но отец был отцом. А мать, стоявшая поодаль, была моей родной матерью. Было глупо идти поперёк их воли, когда я уже отказался от всех прав на престол. Я дал ещё одну клятву и решил никогда не вступать в брак, ведь дети шлюх не будут законными, и мой народ не примет их как наследников трона

Я отказался от имени, которое знала каждая крыса в королевстве. Отныне меня звали Вельд тир Антас тау Кхэн, или Защитник Смерти, Лишённый Туата. Так я ещё раз подтвердил готовность следовать клятве, данной отцу.

Надо сказать, с тех пор, как мой брат объявил себя королём Мак а'гхеалах, наши отношения порядком изменились. Я по-прежнему люблю его настолько, чтобы не пытаться убить во сне, в то время как он явно не слишком верит в данную мной клятву, ведь никто из нас не чурается насилия, если необходимо разрешить конфликт. Только этим я могу объяснить тот факт, что, несмотря на все способности и познания, я назначен